

ЗАПИСИ АРТИСТОВ В МОСКВЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.

Впечатление о Москве и ее людях — Артисты, включая казаков и сартов — Жизнь артистов в Санкт-Петербурге — Другие интересные данные.

Автор: Т. Дж. ТЕОБАЛЬД НОБЛ, выдающийся европейский звукорежиссер говорящих машин.

После очень утомительного путешествия, длившегося четыре дня, из Лондона через Париж, Берлин и Варшаву, я прибыл в Москву, где было чрезвычайно холодно, термометр показывал 24 градуса мороза. Я столкнулся с одним или двумя инцидентами, столь обычными и ожидаемыми при въезде или выезде с русской территории. Я упомяну только один. В Варшаве я был вынужден «ждать двадцать два часа в заброшенной, дурно пахнущей и антисанитарной комнате, поскольку в моем паспорте было подозрение на некое пустяковое дело. В своем волнении от такой явной дерзости я перешел от заверений к угрозам; и то, и другое оказалось бесполезным, должностные лица были неумолимы, и, что еще более удивительно, не желали давать взятки. (Впервые в моем опыте, а их много, русский чиновник отказался от взятки). На следующий день меня отпустили со многими запоздалыми выражениями сожаления и извинений, но без ответа относительно причин моего временного ареста. В конце концов я узнал причину неизбежным путем: «взятка, тайно данная» младшему офицеру. Выяснилось, что в Берлине у одного англичанина украли паспорт, и по прибытии на границу меня заподозрили, поскольку я был один и не знал языка (русские сразу же заподозрили, что я намеренно не говорю на языке, чтобы выдать себя за англичанина), а также из-за подозрительного вида моего записывающего оборудования, которое, как они считали, было частью адской машины. Арест виновника в Берлине, о котором мне сообщили, спас меня от возможного задержания на несколько дней. О Москве писали до такой степени, что я не буду беспокоить вас своими похвалами, но мне хотелось бы сказать несколько слов о Москве с точки зрения записывающего гово-

рящего аппарата. Я нашел этот город удивительно интересным, и когда я обосновался там, я обнаружил, что живу среди обычаев и жизни начала девятнадцатого века, поскольку, если сравнивать (с другими большими городами), Москва и сейчас находится в том же состоянии прогресса, что и тогда, когда ее увидел Наполеон. В Москве шестнадцать сотен церквей, или, как говорят москвичи, «сорок сороков церквей». Знаменитое историческое здание Кремль (московский Акрополь) находится там с его тремя огромными старыми крепостными стенами, окружающими его, размер которых можно оценить, когда известно, что в его стенах находится городской или деловой центр Москвы, а также пятьдесят церквей и королевский дворец. За пределами главных улиц магазины грубо построены из дерева и, кажется, стояли так же, как и сейчас, на протяжении столетий.

На тротуарах можно заметить — и много раз почувствовать — препятствия разных размеров, которые за пределами Москвы не потерпели бы. Большие десятидюймовые водосточные трубы, выступающие из фасадов магазинов на тротуар, чтобы любой человек мог порезать, сломать или ушибить голень. Решетки подняты над дорожкой на добрых три дюйма, чтобы споткнуться и нанести Бог знает какой ущерб.

Шторы или жалюзи магазинов опущены на расстояние пяти футов от дорожки. Отверстия, столбы и выступы всех видов допускаются в манере, которая не свойственна москвичам.

Однако, как бы странно это ни казалось, через очень короткое время человек привыкает к этому любопытному состоянию небрежности и начинает наслаждаться и ценить «эту связь с более ранним периодом, существование в атмосфере, которая еще не загрязнена прогрессом механической жизни, которую в Европе и Америке называют «цивилизацией».

Здесь нет метро, надземных поездов, грузовиков, автобусов, такси или мотоциклов; нет спешки, безумных спекуляций или суеты. Все по-другому, бизнес идет неторопливо, и общеизвестно, что вам не удастся заставить москвича «торопиться».

Это не следует толковать так, что они ленивые или вялые люди — это

состояние или существование в более раннем периоде цивилизации, периоде, который мы уже прошли и забыли. Из людей я нахожу их интересными, философскими, интеллектуальными и спорными. В бизнесе (говоруну), беспечный, корыстный и плохой кредитор.

Гостеприимные русские.

Гостеприимство таково, что его великодушие непостижимо. Сочувствующий, доверительный и самый искренний друг, когда он однажды обретен. В беде они проявляют те же характеристики, что и большинство недовольных душ — мужество, храбрость и отвагу. (Я много раз был свидетелем этого последнего утверждения.) Пока не проникнешь в обширные области полицейского терроризма, которые теснят русский народ со всех сторон, «трудно понять великое чувство отвращения и презрения, которое народ испытывает к правительству в его тираническом правлении. Таково мое мнение о русском народе после того, как я прожил среди него более трех лет.

Моя комната для записи в Москве была большой и очень удовлетворительной, и мне не терпелось проверить ее с помощью моих диафрагм и внести в них необходимые изменения для использования в инструменты. Я привык платить оркестру (дирижеру) шестьдесят пять долларов за трехчасовую сессию с двадцатью четырьмя мужчинами. Я был немало удивлен и возмущен, когда узнал, что дирижеры платили своим людям всего 76 копеек (35 центов) за трехчасовую работу, при этом сами клали в карман более пятидесяти шести долларов. Больше не удивляешься неряшливости бедняков. Дирижеры обращаются с ними как с собаками, и неудивительно, что существует такое болезненное отсутствие хороших военных оркестров для целей записи.

Моей следующей артисткой была контральто, мадам Васкевич. Она обладает голосом исключительного диапазона, и записывать ее было одно удовольствие, она так быстро поняла, как записывать, что я смог записать дюжину разных песен за три часа. Могу добавить, что эта артистка говорила на идеальном английском, получив образование в Англии; она также свободно говорила на французском, немецком и итальянском языках. Она

посетит Америку в 1913 году и должна добиться большого успеха как на сцене, так и на пластинках.

Примерно в это же время я записал самые прекрасные произведения, которые когда-либо записывал в своей практике — смешанный хор из Оперного театра. Если бы эти записи продавались в Америке, я «без колебаний скажу, что они стали бы откровением, не столько из-за самой записи, сколько из-за великолепного, несравненного и славного исполнения «Хора Савицкого». Этот хор, состоящий из двенадцати женщин и двенадцати мужчин, исполнял произведения в таких разных стилях, которые были необычайными. Одним из произведений был «Фауст», другим — свадьба русского крестьянина; это не имело никакого значения для их исполнения, которое всегда было превосходным. Сделать запись такого хора с сопровождающим оркестром, состоящим из двадцати человек, — чрезвычайно сложная задача для записывающего в любое время, но особенно в чужой стране.

Размещение сорока четырех музыкантов и вокалистов вокруг четырех валторн, все в фокусе, является операцией, которая, очевидно, требует определенного количества размышлений, и я не колеблясь говорю, что если бы я не получил сотрудничества и помощи от артистов, я бы никогда не преуспел в создании записей. Они вошли в запись с заразительным энтузиазмом и живым интересом, что было удивительно и неоценимо помогло мне.

Во время этих выборов регистратор должен быть внутри и среди артистов, так как в одной части ему, возможно, придется отвести четырех мужчин от валторн и в то же время разместить пятерых других ближе, в то время как в другой части сопрано могут иметь несколько тактов для себя, что вынуждает мужчин отойти от валторн, а дам приблизиться. В следующих нескольких тактах это будет «ансамбль», а затем все должны будут сгруппироваться вокруг валторн и в таком положении, чтобы обеспечить хороший баланс, и так далее по всей записи. Все эти движения должны быть выполнены тайно, без малейшего шума. Манера, в которой русские дамы вошли в запись, была выше всяких похвал. Я помню, что в одной конкретной записи дамы не

были обязаны в течение последней половины минуты отбора; они не просто сгибались или отклонились от рогов, но добровольно наклонялись и почти садились на пол, чтобы позволить всем мужчинам приблизиться к рогам. Представьте себе, каково это — заставить некоторых из наших собственных дорогих дам помочь в записи в такой степени — Цезарь!

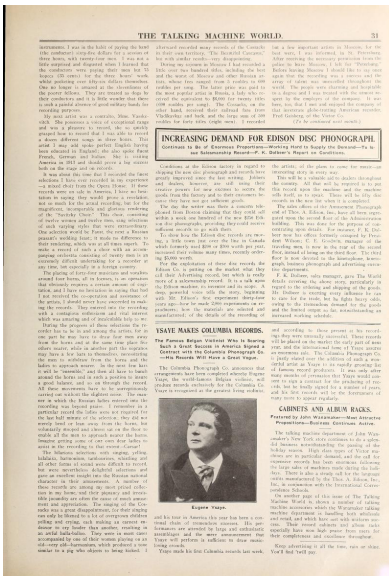
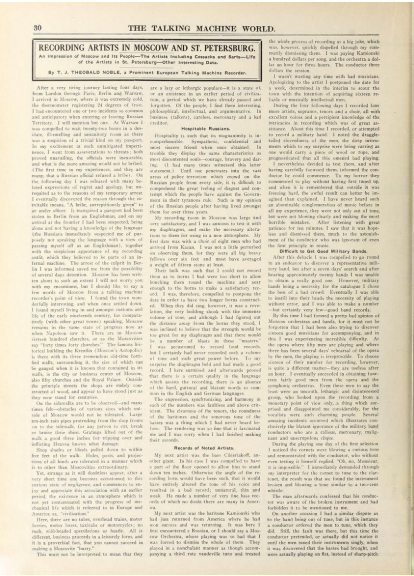
Веселые подборки с пением, криками, балалайкой, фисгармонией, бубнами, свистом и всеми другими формами звука было трудно записать, но тем не менее это были восхитительные подборки, и они давали превосходное представление о русском национальном характере в их развлечениях. Некоторые из этих записей входят в мою самую ценную коллекцию в моем доме, «и их пикантность и непреодолимая веселость часто являются причиной большого веселья и признания. Пение казаков было большим разочарованием, поскольку их пение можно сравнить только с криками и плачем множества детей-переростков, каждый из которых прилагал серьезные усилия, чтобы кричать громче другого, что приводило к ужасному гвалту. В большинстве случаев их сопровождала одна из их женщин, игравшая на старой — очень старой — фисгармонии, которая производила звук, похожий на звук свиньи, которая возражает против того, чтобы ее пинали. Я впоследствии записал много записей казаков на их собственной «территории», «Прекрасный Кавказ», с похожими результатами — очень разочаровывающими.

Во время моего пребывания в Москве я записал чуть более двухсот записей, включая лучшие и худшие записи московских и других русских артистов, чьи гонорары варьировались от 5 до 600 рублей за песню. Последняя цена была выплачена самому популярному артисту в России, женщине, которая получила эквивалент 6000 долларов за двадцать записей (100 рублей за песню). Казаки, с другой стороны, получили свой железнодорожный билет из Владикавказа и обратно, а также большую сумму в 500 рублей за сорок записей (восемь мужчин). Я записал несколько важных артистов в Москве, поскольку лучшие, как мне сообщили, были в Санкт-Петербурге. Получив необходимое разрешение от полиции на выезд из Москвы, я отправился в «Петербург». Перед тем, как покинуть

Москву, я хотел бы еще раз сказать, что запись прошла успешно, и спектр талантов был непревзойденным во всем мире. Люди были очаровательны и гостеприимны в определенной степени, и я был обласкан с величайшим уважением со стороны сотрудников компании. Именно здесь я встретил и наслаждался обществом этого заядлого путешественника по миру американского блокфлейтиста Фреда Гайсберга из Victor Co.

Продолжение в следующем месяце.
from: The Talking Machine World, 9(1): 30-31 of 15 January 1913

https://archive.org/details/talkingmachinewoo09bill/page/n37/mode/2up

(Продолжение январского выпуска World.)

Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург занимает всего одиннад-цать часов, и, выезжая ночью, можно насладиться комфортным ночным отдыхом и проснуться, чтобы на-сладиться кофе и оказаться в Санкт-Петербурге.

Железнодорожный путь между дву-мя городами идеально прямой, и по-скольку поезд движется с умеренной скоростью, колебания незначительны или отсутствуют, и спать легко. Когда инспекторы линии представили свое предложение императору Николаю, они умоляли его указать, каких горо-дов он хотел бы, чтобы линия косну-лась. Император призвал линейку, которую, тщательно наложив на карту от Москвы до Санкт-Петербурга, он провел прямую линию и, возвращая карту геодезистам, заметил: «Вот как я приказываю, чтобы линия была «построена», и так и было. Я нашел ее чрезвычайно холодной и сырой, и разница между двумя климатами была наиболее заметной. Я не жалел, что добрался до отеля, так как холод-ные, сырые ветры, проносящиеся над городом с Балтики, были далеки от приятных.

После Москвы я никогда не ожидал найти этот город таким современ-ным. Он определенно не русский и, казалось, был копией нескольких европейских городов. У него нет ни-каких отличительных черт, за исклю-чением, возможно, его великолепной магистрали, «Невского проспекта», которая имеет милю в длину и коле-блется от 80 до 120 футов в ширину. По обеим сторонам находится ряд больших современных магазинов, и включают все национальности. В од-ной части находится Казанский собор, великолепное здание. В другой части находятся большие, дворцовые крас-ные здания Военного министерства; это действительно грандиозная ма-гистраль. На одном конце находится королевский дворец, а на другом — железнодорожная станция в Москву.

Я обнаружил, что Нева замерзла, и они проложили электрическую ли-нию на четыре месяца — замечатель-ный пример суеты для русских.

Разница между Москвой и Санкт-Петербургом не заканчивается их раз-личиями в строительстве, поскольку в последнем гораздо больше европей-

цев из общества; люди одеты гораздо более модно; на улицах гораздо боль-ше движения, которые также лучше освещены; заметно отсутствие татар, армян и всех других южнорусских рас; климат отвратительный; театры интереснее; и, наконец, артисты пре-восходны для целей записи. Здесь я нашел лучшее из всей России.

Невский проспект всегда запол-нен суетливым населением, включая большое количество офицеров двух служб. Морские офицеры наблюдали чопорно-белые, бледные лица, пол-ная противоположность тому, что можно ожидать от моряков. Я узнал, что эти люди почти никогда не быва-ют в море, а когда они все-таки вы-ходят, то только на маневры, которые состоят из заходов в ряд балтийских портов, чтобы по-настоящему хоро-шо провести время. Однажды мы с женой заинтересовались подсчетом армейских солдат, мимо которых мы прошли по дороге от нашего отеля до верхней части Невского, на рас-стоянии полумили. Мы насчитали 27 генералов, 18 капитанов, 33 офицера низшего звания и 8 рядовых. Гене-ралы так же обычны на Невском, как трамваи на Бродвее. Когда рядовой замечает генерала, он должен немед-ленно остановиться, развернуться, за-мереть и отдать честь. Это внезапное приветствие повторялось несколько раз и вызывало много веселья, по-скольку на этом переполненном тро-туаре не было ничего необычного в том, что у дамы свалилась шляпа, у мужчины слетела шляпа, а в одном случае рядовой сбил мужчину прямо в снег. Солдат, тем не менее, сохра-нил неподвижное выражение лица, а генерал сделал вид, что не заметил инцидента, в то время как один или два офицера, проходивших мимо, изобразили на лице выражение «Мне скучно до чертиков», а пешеходы в то же время покатывались со смеху над нелепой дисциплиной, которая поддерживается на главном и самом многолюдном тротуаре города. Поч-ти каждый мужчина одет в какую-то форму; также и школьники. Даже извершки (извозчики) должны на-девать уставную одежду и головной убор.

В своих наблюдениях я быстро обнаружил, что русский денежный класс существует только для того, чтобы есть, пить и спать. Они встают в одиннадцать и принимают кофе с булочкой; завтрак (обед) в час дня,

прием пищи, который они обычно за-канчивают за два часа; чай в четыре, где, кстати, почти два часа проходят в сплетнях; Ужин в шесть тридцать, который занимает два часа, если они собираются пойти в театр, в против-ном случае эта трапеза продлится более пяти часов, после чего они от-правляются в кафе-шантан, чтобы продолжить свое разгульное время-препровождение, пока не лягут спать, обычно в четыре утра.

Я должен упомянуть один пример этого необычного обычая жить за столом. В один из дней, когда я обе-дал в ресторане отеля, мое внимание привлек веселый звон бокалов, и я за-метил сидящих за столом трех явных русских с женами. Я ушел из ресто-рана немного позже двух часов и вер-нулся выпить чаю в пять. Я заметил, что компания все еще сидит за столом и ест то, что, по-видимому, было кот-летами. Я вернулся в ресторан в семь тридцать на свой ужин, и, конечно же, компания все еще была занята за столом. Мое любопытство было воз-буждено, и я обратился к официанту с просьбой сказать мне, вставала ли компания когда-либо из-за стола; он ответил отрицательно. Они начали утром в одиннадцать с кофе и булочек и перешли к ужину. На следующее утро я спросил официанта, когда ком-пания наконец распрощалась с ресто-раном, и он сообщил, что они первы-ми выпили кофе и последними ушли в два часа ночи. Самое странное, что все они были сравнительно трезвыми. После этого для меня стало обычным делом обедать и ужинать и замечать, как компания сидит за обеими моими трапезами, не двигаясь. Между блю-дами русский, если у него есть необхо-димое время, может сидеть и курить полчаса, болтая и наслаждаясь своим окружением, особенно если рядом на-ходятся женщины.

Среди людей заметна общая лень, что, несомненно, следует отнести к их странному образу жизни. Большин-ство из них бледны, и редко встре-тишь действительно здорового на вид русского. Это особенно касается женщин. Они щедро распоряжаются своими деньгами и тратят их так, что это поразило бы некоторых из ваших нью-йоркских «швырятелей золота».

В ресторанах нужно быть особенно осторожным, чтобы их счета не были фиктивными выдумками; более во-роватых официантов не может быть.

В ресторанах и кафе-шантах, где со-бираются необразованные богатые классы, в определенные радостные дни можно наблюдать отвратитель-ные сцены, безответственные мужчи-ны и женщины, пьющие шампанское так, как это делают только русские — «желая его», которые «с необъ-яснимой наглостью отрицают самые общие правила этикета, а позднее и авторитет морального чувства». Во всех своих многообразных проявлени-ях Париж не имеет ничего подобного, поскольку в Париже есть определен-ный тип женщин, от которых ожи-даешь такого поведения, и где есть рестораны, известные тем, кто ищет развлечений; но здесь это сообще-ство псевдо респектабельных людей, которые балуются таким образом, что почти возвращают обратно в Рим.

Прачечные ужасны; белье стирают в грязных подземных подвалах, где пренебрегают самыми обычными законами санитарии. Я имею в виду прачечные за пределами радиуса мили от королевского дворца; те, что внутри, французские и удоевлетво-рительные. Во время более позднего визита в Россию я жил в пансионе и за пять месяцев пребывания потерял две рубашки, два комплекта пижам и более дюжины носовых платков. Девочки из крестьянского сословия, которые приносят белье, неграмотны, и протестовать против потери — пу-стая трата времени. Что касается спорта в Санкт-Петербурге, британ-ская колония здесь усердно проводит несколько игр в городе, и русские теперь могут играть с определенным мастерством в футбол, хоккей, крикет и теннис. Они очень энтузиасты и, без сомнения, скоро займут свое место среди стран мира в легкой атлетике. Я нахожу, что средний россиянин, после трехлетнего опыта общения с ними, попеременно беззаботен и уныл; Фи-лософский, спорный, прагматичный в своих убеждениях и определенно ин-теллектуал. Он обычно восприимчив к женскому обаянию, является пыл-ким любовником, но неудачником как муж. Они транжирят деньги непо-стижимым образом. В финансовых и деловых вопросах (особенно говоря-щих машинах) он корыстно беспечен и медленно выплачивает кредитор; дружелюбный, доверительный, сочув-ствующий и искренний друг, когда он однажды обретен.

Продолжение в следующем месяце.

(from: The Talking Machine World, 9(2): 30 of 15 February 1913)

https://archive.org/details/talkingmachinewoo9bill/page/n93/mode/2up

Making Records in St. Petersburg.

(Продолжение Февральского выпу-ска World.)

Моим первым артистом в Санкт-Петербурге был лучший русский тенор, Собинов. Он обладает велико-лепным голосом и спел шесть номе-ров в великолепном стиле, все они были раскритикованы и отклонены им перед тем, как быть упакованными для производства.

На этом этапе возникла любо-пытная затруднительная ситуация, поскольку мне сообщили, что все из-вестные артисты были связаны согла-шением с компанией под названием Artistic, которая на самом деле была компанией артистов, которые записы-вались бесплатно, но получали гоно-рар с продаж. К несчастью для безот-ветственных мужчин и женщин ком-пании, всем предприятием управлял человек с вероломной репутацией — сильный, но непопулярный. Этот че-ловек зарабатывал себе на жизнь, ко-

пируя пластинки Gramophone-Victor и продавая их по ценам, намного ниже Victor. В конце концов Gramophone Co. выкупила его при условии, что он обязуется не повторять этого право-нарушения. Он этого не сделал, но ис-пользовал полученные деньги — все, что превышало 3000 долларов — для того, чтобы начать тот же бизнес для своего отца, из которого он также воз-омнил о возможности создания соб-ственной компании артистов.

Нам сообщили о некотором не-довольстве среди художников, по-скольку они не получали никаких гонораров, и мы решили обратиться к ним с целью убедить их одолжить нам артистов за денежное вознагражде-ние. Зная репутацию этого человека, нам приходилось действовать ловко с деньгами в наших карманах, ;f или в таких случаях, когда деньги говорят сами за себя. Так и произошло в этом компромиссе, поскольку после деся-тиминутного разговора он согласился — или, я бы сказал, мы согласились — на его предложение. Он должен был одолжить нам известных художников, которых мы хотели, получая за каж-дого художника сумму в 100 рублей (\$50), и далее он должен был устано-вить цену или гонорары «для арти-стов». Таким образом, он получил от нас сумму в \$600, в то время как от артистов он получил 20 процентов, и, должно быть, получил выгоду в размере \$1500. От одного артиста, которому мы были рады заплатить \$250 за песню за десять песен, его ко-миссия составила \$500. Однако с его помощью мы смогли записать таких известных артистов, как Кузнецова, Брагин, Гвоздецкая и Лабинский, окончательно доказав в этом случае, что выгодно держать свечку дьяволу.

Эти известные русские артисты были чрезвычайно заинтересованы в записи, и я не испытал никаких труд-ностей. Из-за плохой упаковки моего записывающего воска у меня возник-ли некоторые проблемы с блендами, что было особенно раздражающим, поскольку приходилось записывать таких важных и дорогих артистов, и я предвидел некоторые проблемы с артистами из-за этого. Я, однако, был приятно удивлен, так как ни в одном случае они не возражали против того, чтобы снова петь через плохой воск. Фактически, после того, как была объ-яснена причина необходимости по-вторить запись, меня спрашивали по-сле каждой записи: «Все в порядке?»

Оркестр был выше всякой критики, за исключением того, что они обла- дали той же чертой, что и их москов- ские собратья — летаргией. Дирижер, однако, был человеком с острым восприятием, и не было никакой бес- печности, когда он дирижировал. Давидофф был самым интересным артистом из всех — он пел * русские цыганские песни под аккомпанемент гитары; эти песни великолепны; иди- ома чисто родная и сравнима только с неаполитанскими песнями, которые он знает досконально * и которые я записал на четыре пластинки. Пре- красная Кузнецова уже слишком известна в Америке, чтобы я мог го- ворить о ее великолепном голосе и очаровательной личности.

Все эти русские артисты говорили на четырех языках, а в двух случаях — на пяти, пятым был английский. Я нашел их всех решительно более пря- мыми и правдивыми, чем любых дру- гих европейских или американских артистов; например, внимательно прослушав воспроизведение записи, русский человек неизменно признает ошибку, добровольно сознаваясь в ней сразу же после окончания запи- си. Предположим, он поет немного бемольно, он без комментариев или оправданий признает свою ошибку, извинится и действительно будет обеспокоен тем, что испортил воск. В других странах, если блокфлейтист извиняющимся тоном объяснит, что артист поет немного бемольно, он или она немедленно воскликнет: «О, я; это невозможно — я никогда не пою бемольно». При повторном воспро- изведении они заметят это в некото- рых случаях, но всегда скажут: «Это определенно не я; это, должно быть, машина!»

Мне было жаль узнать, что я не буду записывать никаких хоров; лучшие из них уже были записаны в Москве. Однако был хор асенцев из одной из прибалтийских провинций, людей, напоминающих как немец- кий, так и русский тип. Они были русскими подданными, но их пение, конечно, было совсем не русским, по- скольку я никогда не встречал худше- го хора, записанного на пластинку, и надеюсь, никогда не увижу.

Военные оркестры, с которыми я сделал три записи, были очень хоро- ши, особенно оркестр Императорской гвардии. Здесь я не испытывал ника- ких проблем, и одним из главных их

достоинств было то, что они никогда не фальшивили.

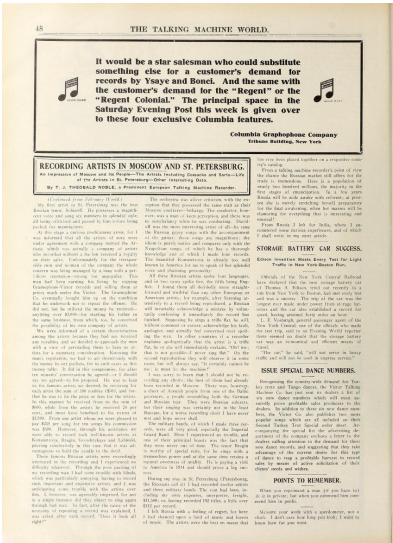
Особого внимания заслуживает тенор Брагин, который поет с огром- ной силой и в то же время сохраняет природную сладость. В 1914(?) году он посетит Америку и должен иметь большой успех.

За время моего пребывания в Санкт-Петербурге (русские называют его Петербургом) я записал двенад- цать артистов и три военных оркестра. Мои расходы, включая собственные, переводчика и фрахт, составили 11 500 долларов, или, если учесть 102 наименования, чуть более 112 долла- ров за запись.

Я покидал Россию с чувством со- жаления, ведь здесь мне довелось встретить страну музыки и любителей музыки. Артисты были лучшими из тех, кто которые когда-либо были со- браны в каталоге одной страны.

С точки зрения записи говорящих машин, шанс, который все еще пред- лагает российский рынок для торгов- ли, огромен. Здесь проживает почти двести миллионов человек, большин- ство из которых находится на первых этапах эмансипации. Через несколько лет Россия полностью проснется бла- годаря реформам; в настоящее время она просто потягивается, готовясь к окончательному пробуждению, когда ее массы будут требовать всего инте- ресного и музыкального!

Из России я отправился в Индию, где столкнулся с некоторыми любо- пытными событиями, о которых я на- пишу в своей следующей статье.

(from: The Talking Machine World, 9(3): 48 of 15 March 1913)

https://archive.org/details/talkingmachinewoo09bill/page/n167/mode/2up

Текст был вычитан и все явные ляпы машинного перевода откоррек- тированы, но что-то я мог и просмо- треть. Пишите предложения в виде комментариев или в личку, если об- наружите недостающий материал или проблемные места.